

В. А. Смирнов

**ФОРМИРОВАНИЕ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЭЛИТЫ ЛИТВЫ
НА РУБЕЖЕ 1980 —
1990-х ГОДОВ:
РОЛЬ «ПОЛИТИКОВ
МОРАЛИ»¹**

Рассматривается динамика структурных изменений политической элиты Литовской Республики в постсоветский период через призму изучения роли так называемых «политиков морали» — интеллектуалов, представителей искусства и культуры, сыгравших решающую роль в период демонтажа коммунистической системы и выработки последующего политического курса страны.

Значение политической элиты, понимаемой в соответствии с определением Р. Патнэма и Дж. Хигли, рассматривалось в условиях политической нестабильности и неопределенности, присущих трансформационному процессу. В данном контексте роль ключевых акторов изменений интерпретировалась, исходя из методологической конструкции так называемой «Стэнфордской модели» Г. Алмонда, а также теории конвертации капиталов П. Бурдьё.

Реконструирован ход политических изменений в Литовской Республике на начальном этапе ее независимости, в рамках которого ключевую роль сыграли «политики морали», впоследствии в подавляющем большинстве вышедшие из состава политической элиты. Цель научного исследования — на примере Литовской Республики продемонстрировать продолжающуюся зависимость актуального политического курса стран Балтии от ключевых выборов, осуществленных властными группами на рубеже 1980 — 1990-х гг.

В отечественной политической науке в настоящее время существует недостаток конкретных страноведческих исследований проблем изменения элит в контексте изучения процессов посткоммунистической трансформации. Данная работа уточняет научное понимание содержания механизма появления «новой» политической элиты в посткоммунистических обществах в условиях влияния эндогенных и экзогенных факторов в ходе трансформации. Фиксация процессов элитообразования в Литве, оценка закономерностей, тенденций, определение центров влияния и характера внутриэлитных взаимодействий, а также глубокое понимание функционирования политической системы Литвы в целом позволят России более эффективно выстраивать свою внешнюю политику на балтийском направлении, своевременно реагируя на возникающие вызовы.

Ключевые слова: Литва, трансформация, политическая элита, «политики морали».

¹ Статья подготовлена в рамках гранта Президента РФ для молодых ученых «Механизмы рекрутации и воспроизводства политических элит в посткоммунистических обществах на примере Республики Польша» МК-3627.2011.6. Случай Литвы рассматривается с целью последующего сопоставления с опытом элитогенеза в Республике Польша, где в переговорах так называемого «круглого стола» особую роль сыграли и «политики морали».

Рассматривая политическую трансформацию в странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), последовавшую за прекращением существования коммунистического блока, как переходный, нестабильный политический процесс, переход системы из одного состояния в другое, необходимо подчеркнуть роль политической элиты², выступившей в качестве ключевого агента изменений. Важность той роли, которую политическая элита играет в переходном политическом процессе, может быть объяснена нарушением институционального процесса развития [4]. В стабильное время основой политического процесса служат институты, однако в период радикальных изменений на первый план выдвигаются представители политической элиты, от решений и действий которых во многом зависит достижение политической стабильности. Вильфредо Парето, один из основателей классической теории элит, писал об «эквилибриуме» (социальном равновесии), увязывая его достижение с борьбой внутри политической элиты (циркуляцией «львов» и «лис»), которую он считал главной движущей силой и субъектом политического процесса [16].

Общество, переходя из одного состояния в другое и становясь тем, что Карл Поппер называл «открытое общество», неизменно приобретает при этом одну из своих главных характеристик — именно в открытом, а не в закрытом обществе многие его члены стремятся подняться по социальной лестнице и занять более высокие в иерархическом плане места [30, с. 218]. Политическая элита *per se* представляет собой открытую систему. Потенциальная возможность войти в политическую элиту есть у обладателя любого образовательного, профессионального и имущественного статуса (а в периоды кризисов — в том числе и у выходцев из маргинальных слоев) [24]. Наиболее широко раскрываются двери элиты, чтобы впустить туда «свежую кровь», при смене режимов, во время кризиса развития, характеризующегося высокой динамикой политических изменений. Этот период длится относительно недолго, и как только режим стабилизируется, элита пытается вновь «закрыть двери» [26, с. 92]. Если для Карла Поппера вся история человечества — это история политической власти, интерпретируемая с точки зрения борьбы за открытое общество [31, с. 320], то для Вильфредо Парето история представляет собой «кладбище элит» как финал борьбы конкурирующих за власть групп [17].

Серьезным испытанием эта борьба оказалась для «политиков морали». Так венгерский исследователь Атилла Адь [1], а потом и польский ученый Яцек Василевски [23] именовали представителей творческих и академических кругов, которые на начальном этапе трансформации выступили одними из главных акторов посткоммунистических преобразо-

² Политическая элита в данном случае понимается в соответствии с определением Р. Патнэма, Дж. Хигли, О.В. Гаман-Голутвиной, т. е. ее составляют обладатели стратегических позиций во властных организациях и движениях, способные регулярно и значительно влиять на национальные политические результаты, имея необходимый для этого ресурсный потенциал.

ваний. Именно им в период обретения государствами независимости удалось заложить основу дальнейшего развития, совершив в этом смысле ключевые институциональные выборы.

Для эффективного анализа находящейся в состоянии нестабильности политической системы целесообразно использовать исследовательскую модель кризиса развития, предложенную в рамках так называемого «Стэнфордского проекта» группой ученых, работавшей на базе одноименного университета под руководством Г. Алмонда [2]. Модель основывается на сопоставлении периодов стабильного развития с периодами системных кризисов развития, предлагая при этом различные теоретико-методологические подходы к исследованию, а также обладая большим эвристическим потенциалом при осмыслении политических трансформаций и роли агентов в данном процессе — в отличие, например, от рассчитанной на описание стабильной системы модели Д. Истона [6]. Если обращаться к «стэнфордской» четырехфазной модели кризиса развития, то процессы политической трансформации в странах ЦВЕ могут быть представлены как этапы перехода от системной синхронизации через десинхронизацию к ресинхронизации, где состояние синхронизации предполагает соответствие структур функциям системы. При этом политическая элита в период высокой динамики изменений, на перекрестке внешних и внутренних воздействий выступала в качестве ключевого актора — агента мобилизации требований.

Российский политический философ Б. Капустин предлагает рассматривать политику в двух ипостасях — как «малую» и «большую». По его мнению, малая политика это сохранение *status quo*, в ее рамках не требуется предпринимать сверхусилия, надо лишь поддерживать систему в рабочем состоянии. В свою очередь большая политика не воспроизводит существующий порядок, а производит новый, закладывает «новые правила для новой игры», «новые начала» [25, с. 354]. Трансформация, которую в переломное время переживало литовское общество, может быть отнесена как раз к «большой политике».

Как пишет Верена Фритц, проанализировавшая трансформационные процессы в России, Беларуси, Украине и Литве после прекращения существования коммунистического блока, общей отправной точкой последовавших преобразований служила институциональная эрозия. С конца 1980-х гг. старые ограничения, правила и институты были ослаблены, а новые еще не появились. И такое ослабление институтов серьезным образом повлияло на перераспределение власти внутри групп в обществе. В Литве в процессе трансформации и государственного строительства новая элитная группа возникла из национальной оппозиции [7, с. 321]. Британский исследователь А. Ливен выделяет три сегмента этой национальной оппозиции: членов коммунистической экс-номенклатуры, научно-техническую интеллигенцию и представителей культуры и гуманитарных наук [9,

с. 225]. Вместе с тем нельзя игнорировать и роль выходцев из литовской диаспоры в США. Однако в рамках данной статьи подробно рассмотрим лишь один сегмент политической элиты — так называемых «политиков морали».

Следует отметить, что в Литве, Латвии и Эстонии на первый план в переломное время конца 1980-х — начала 1990-х гг. выдвинулись именно «гуманитарии». Так, в Латвии с инициативой создания Народного фронта выступил председатель Союза писателей Латвии Я. Петерс, среди активистов были профессора Латвийского университета (Э. Зелгавс и др.), журналисты (Д. Иванс и др.) и проч. В Эстонии одним из руководителей Народного фронта стал литературовед Р. Вендемманн, среди активистов — театральные критик Я. Аллик, доктор философии К. Халлик и др. Если обратиться к опыту Польши, то там на рубеже 1980 — 1990-х гг. в переговорах так называемого «круглого стола» существенную роль сыграли и представители гуманитарных профессий, среди наиболее ярких примеров — выдающийся общественный деятель, журналист Адам Михник, активно участвовавший в деятельности политической оппозиции. В целом для стран Центральной и Восточной Европы приход «гуманитариев» к власти является одной из заметных черт процесса политической трансформации после прекращения существования коммунистического блока. Так, в Венгрии президентом стал драматург, литературный переводчик А. Генц; президентом Чехии — драматург, писатель, диссидент В. Гавел; президентом Болгарии — философ Ж. Желев и т. д.³

«Политики морали» внесли значительный вклад в создание основы нового политического порядка. Но удержаться во власти, при крайне редких исключениях, не смогли. Литовский исследователь Мариус-Повилас Шауляускас, считая, что именно представители бывшей советской интеллигенции в значительной степени стали инициаторами и главными действующими лицами первых этапов трансформации, указывает: они же в наибольшей степени в итоге и пострадали, будучи вынуждены в большинстве своем покинуть ведущие политические позиции. «Кажется, будто посткоммунистическая революция была осуществлена не потому, что она полезна тем, кто ее делал, а скорее для получения творческой радости и даже соответствующего эстетического удовольствия», — считает Шауляускас [20, с. 93], предлагая «гуманитарное» прочтение идеи экономиста Дугласа Норта, согласно которой институты далеко не всегда создаются ради социальной эффективности, а для того, чтобы служить интересам тех, кто занимает позиции, позволяющие влиять на формирование новых правил [29, с. 33].

³ О предшествующем опыте взаимодействия интеллигенции и власти на пространстве Восточной Европы см., напр.: *Szelenyi I., Konrad G. The Intellectuals on the Road to Class Power. New York, 1979. P. 252; Селеньи И. Интеллигенция и власть: опыт Восточной Европы 1960 — 1980-е гг. // Рубеж. 1995. №6—7. С. 198—224.*

В середине 1988 г. в Литве начинает формироваться «Саюдис»⁴ как массовое объединение граждан, которое впоследствии превращается в мощный канал рекрутирования политической элиты постсоветской Литвы. Ядро «Саюдиса» составляли, наряду с экс-коммунистами, представители литовских академических и творческих кругов, те самые «политики морали». В их числе — философы Арвидас Йозайтис, Ромуалдас Озолас, Витаутас Петкявичус, Бронюс Гензялис, Бронюс Кузмицкас, историк Мейле Лукшене, поэты Сигитас Гяда и Юстинас Марцинкявичус, актер Регимантас Адомайтис, кинорежиссер Арунас Жебрюнас, профессор музыковедения Витаутас Ландсбергис, журналисты Альгимантас Чякуолис и Ина Марчулените, писатель и переводчик Виргилиус Чяпайтис, музыкант Альгирдас Каушпедас, архитектор Альгимантас Нашвитис и др.

В условиях, когда базисной чертой политической системы стала неопределенность, а старые институты и акторы утратили свое влияние или были лишены его (это касается прежде всего представителей коммунистической номенклатуры), именно гуманитарии, интеллектуалы, выступавшие прежде в качестве несогласных или даже критиков сложившегося порядка, оказались в кратчайшие сроки «призваны» на вершину власти в период чрезвычайно интенсивных изменений, затрагивавших буквально все сферы жизни общества. «Политики морали», обращаясь к «стэнфордской» терминологии, выступили на тот момент в роли не просто агентов мобилизации требований, а «ускорителей кризисов», воплощая массовые настроения в жизнь⁵.

Вначале в «Саюдисе» доминируют вильнюсцы, столичная гуманитарная элита, более «космополитичная», с большими связями в номенклатурной партийной верхушке и на Западе. У нее и без того высокий социальный статус, поэтому «Саюдис» в качестве карьерного лифта она не рассматривала. Но постепенно все большую роль начинают играть каунасцы, в основном — представители технической интеллигенции, для которых «Саюдис» был не только инструментом реализации своих политических идей, но и средством, с помощью которого можно подняться по карьерной лестнице. Каунасцы радикальнее и культурно ориентированы скорее на старую, досоветскую Литву, чем на Запад [32, с. 53].

Это разделение между двумя столицами — Вильнюсом и Каунасом — вообще характерно для Литвы. Большинство влиятельных людей страны родом из Вильнюса или Каунаса, и именно там находятся главные академические центры, ведущие соперничество за интеллектуальное лидерство, — Вильнюсский и Каунасский университеты.

⁴ В начале оно именовалось «Литовское движение за перестройку». *Sajudis* в переводе с литовского языка означает *движение*.

⁵ В случае стран Балтии примером подобных массовых настроений может служить так называемый «Балтийский путь»: протестуя против действий руководства СССР, почти 2 млн жителей Литвы, Латвии и Эстонии, взявшись в августе 1989 г. за руки, создали «живую цепь» протяженностью почти в 600 км.

Руководители литовской посткоммунистической трансформации — это не профессиональные политики, а критически настроенные представители интеллектуальной элиты (поэты, философы, музыканты, актеры и т. д.) [20, с. 81]. Альгис Крупавичус называет их «альтернативной элитой», сформированной из людей местных образованных классов, ищущих новые карьерные возможности и имеющих патриотические ориентации [8].

Первые свободные выборы в Верховный совет в 1990 г. оказались чистой победой «Саюдиса». Участие в нем значителен в биографических справках многих вошедших в политическую элиту новой Литвы не только в первые годы обретения независимости, но и позже. В их числе и В. Ландсбергис, который может быть назван, пожалуй, наиболее ярким примером литовских «политиков морали», — выходец из Каунаса, работал в консерватории Вильнюса, не состоял в КПСС, пианист, профессор музыковедения, автор нескольких книг о литовских композиторах, председатель Верховного совета Литвы в 1990 — 1992 гг., председатель Сейма в 1996 — 2000 гг., один из создателей и многократно переизбираемый лидер партии «Союз отечества», член Европейского парламента.

По наблюдению Альфреда Сенна, «риторическим стилем своих речей Ландсбергис создавал себе образ правителя-философа, одинокую фигуру, борющуюся за воплощение в жизнь воли народа» [21, с. 310]. Как пишет А. Ливен, «нет сомнений, что профессор Ландсбергис, литовский лидер в период между 1990 и 1992 годами, считал себя в какой-то мере политическим наследником Сметоны⁶. Он с восхищением говорил о нем в своих речах и перенял частично его символику. Ландсбергис совсем не интересовался вопросами администрации, финансов и законодательства, предпочитая иностранные визиты, символику и литовскую культуру, которую глубоко любил» [9, с. 68].

Достигшие своей главной политической цели лидеры периода обретения независимости, периода «большой политики», оказались не готовы к решению вопросов «мирного времени» — строительству нового государства. Большинство из них имели гуманитарное образование, не обладали опытом административного управления, и вопросы государственного строительства и хозяйственного управления их интересовали куда меньше, чем вопросы культуры, символики и исторического прошлого [35, с. 90].

В этом смысле именно через постоянное обращение к прошлому с целью поиска новой основы при формировании постсоветской политической повестки дня может быть объяснена попытка Ландсбергиса создать сильный (в ущерб развитию парламентаризма и многопартийности) институт президентства с намерением самому занять этот пост и со стремлением превратить «Саюдис» в свою опору — в «мессианскую

⁶ Антанас Сметона — государственный деятель Литвы, установивший в результате военного переворота в 1926 г. авторитарный, «вождистский» режим в стране; в 1940 г. бежал в Германию.

партию "национального интереса" [15]. Попытка оказалась неудачной, последовал раскол литовских «политиков морали», поначалу объединенных идеей обретения независимости Литвы. Интеллигенция перестала выступать, как прежде, совместно, был создан Форум будущего Литвы (среди его участников — К. Прунскене, А. Йозайтис и др.), который основной своей задачей видел борьбу с «угрозой диктатуры Ландсбергиса».

Говоря об обращении к прошлому с целью поиска основы для новой политической повестки дня, целесообразно обратиться к использовавшейся участниками «Стэнфордского проекта» идее Д. Лернера о социальной мобилизации, в рамках которой, по удачному выражению И. Окунева, происходит «создание современности не вполне современными способами» [30, с. 137]. Для тех, кто встал во главе литовских «политиков морали», прошлое, старый досоветский государственный опыт, прежние правила игры оказались желаемым будущим, целью, которую они, несмотря на совершенно новые внутренние и внешние условия, стремились достичь. И зачастую в этом своем стремлении совершить «переделку» современности по прежним образцам они действовали слишком категорично, пренебрегая ключевым для успешного политического деятеля качеством — стремлением к компромиссу. В результате в период последующей институционализации политической жизни Литвы, в период формирования коалиций «политики морали», которые выступили «певцами поющей революции» на заре независимости и в ее первые годы, очень быстро лишились «голоса» и были вытеснены на обочину политической жизни. Как считает А. Самалявичус, частично они могут винить самих себя за то, что проиграли соревнование за право контроля над политическими рычагами: «В то время как приоритеты общества стремительно изменялись, они продолжали рассуждать на устаревшем языке "поющей революции". В итоге интеллектуалы вернулись в свою профессиональную и академическую среду, отстранившись от гражданских инициатив, иногда открыто выражая свое отвращение к политической активности» [19, с. 3]. Известный литовский социолог Владас Гайдис указывает еще одно обстоятельство, из-за которого интеллектуалы-гуманитарии постепенно утратили свою прежнюю роль. В постсоветской Литве, по его мнению, они лишились своего главного оружия — «права иметь свое особое мнение, ведь в новых условиях это стало доступно любому человеку» [5, с. 139].

В 1992 г. «Саюдис» проиграл парламентские выборы, а с 1993 г. вообще перестал существовать как единая политическая сила, дав, однако, начало иным движениям и став «костяком» для правящей ныне партии литовских консерваторов «Союз отечества». Более ценным ресурсом при рекрутировании политической элиты в изменившихся реалиях начала 1990-х г. оказался административный опыт, которым обладала литовская экс-номенклатура. Более умудренные в аппаратных играх и хорошо знакомые с механизмом госуправления бывшие коммунисты заменили менее политически опытных непрофессионалов из «Саюди-

са» [11, с. 31]. «Политики морали» оказываются оттесненными от активной политической деятельности.

Президентом становится бывший первый секретарь ЦК Компартии Литвы Альгирдас Бразаускас, вплоть до своего ухода из жизни считавшийся главным оппонентом Ландсбергиса. Роль экс-коммунистов в новой Литве оказывается столь весомой, что постсоветскую политическую литовскую элиту можно назвать биполярной, маркируя ее по принадлежности к одному из двух борющихся «лагерей» — объединение Бразаускаса (элиты левого толка) и объединение Ландсбергиса (элиты правого толка) [5, с. 124].

Бразаускаса и Ландсбергиса принято противопоставлять друг другу, считая, что первый — типичный прагматик и реалист, а второй — идеалист и во многом романтик. Как показал в своем исследовании Р. Лопата, в подходах к литовской истории и политике это не совсем так: «президент» А. Бразаускас — скорее романтик, а «профессор» В. Ландсбергис, несмотря на ощущение персональной сопричастности к истории Литвы (через «генетическое прошлое») ⁷, — технократ и расчетливый геополитический игрок [10, с. 139 — 142].

В этом контексте целесообразно обратиться к теории конвертации капиталов Пьера Бурдьё [3], которая позволяет констатировать: Ландсбергис и Бразаускас сумели в трансформационный период эффективным образом конвертировать свой определенной формы социальный капитал в политический. Бразаускасу удалось сохранить лидерские позиции в политической элите благодаря высокому уровню профессиональной подготовки, обширному опыту партийной деятельности и государственного управления, множеству накопленных за годы партийной работы связей. Ландсбергис же свой политический «багаж» основывал на символическом капитале: 1) апеллирование к довоенной истории Литвы и обращение к националистической аргументации; 2) формирование базиса перспективной политической программы Литвы в виде «возвращения на Запад» и 3) восприятие России через призму потенциальной угрозы (в том числе и военной) и использование русофобской риторики.

Именно тогда, в период деятельности «политиков морали» формировались контуры будущего конституционного порядка новой Литвы, а также закладывалась основа отношений с Россией. Согласно первому пункту Конституционного акта о неприсоединении Литовской Республики к восточным постсоветским союзам (документ от 11 февраля 1991 г., предшествующий Конституции Литвы от 8 июня 1992 г.), бывшая Литовская ССР «стремится развивать взаимовыгодные связи с каждым государством, ранее находившимся в составе СССР, однако никогда и ни под каким видом не присоединяться к любым вновь создаваемым на основе бывшего СССР политическим, военным, экономическим или иным союзам либо содружествам государств» [32]. Массив

⁷ Отец В. Ландсбергиса во время войны был членом Временного правительства Литвы и после войны эмигрировал.

законодательных актов, сформировавшийся за минувшие 20 лет независимости Литвы, а также множество случаев из современной политической практики, дают немало и других примеров подобного отношения к сотрудничеству с Россией. Такой подход, впрочем, характерен и для иных стран Балтии, о чем, подтверждая идею К. Уолтца о «примыкании» слабых стран к более сильным с целью, например, военно-политической защиты [22], свидетельствуют официальные внешнеполитические документы⁸.

Постепенно в среде представителей посткоммунистической политической элиты (что особенно заметно на примере ее парламентского сегмента) акцент смещается от гуманитариев к обладателям технического образования [13, с. 56]. Авторитетный литовский исследователь элиты Ирмина Матоните, анализируя профессиональную принадлежность членов Сейма Литвы, фиксирует очевидную тенденцию — мощное (почти тройное) снижение количества представителей академического и творческого сообщества. Если в 1990 г. среди парламентариев насчитывалось 33,1 % преподавателей и профессоров, а также 10,5 % журналистов и писателей, то к 2004 г. их доли сократились до 12,1 и 2,1 % соответственно. Параллельным процессом стал мощный рост количества чиновников и бизнесменов: если в 1990 г. их насчитывалось 7,5 и 12,8 % соответственно, то в 2004-м уже 27 и 38,3 % [12, с. 125].

Аналогичную тенденцию фиксирует и эстонский исследователь Велло Петтаи, который, проанализировав профессиональный состав кандидатов в депутаты Сейма Литвы в 1992, 1996 и 2000 гг., пришел к выводу, что если на начальном этапе становления независимости Литвы в политическую элиту могли попасть прежде всего «гуманитарии», то через десятилетие наибольший успех сопутствует директорам компаний и чиновникам [18, с. 19].

Данные изменения, наблюдаемые в процессе политической трансформации в Литве, характерны не только для стран Балтии, но и для ряда других государств Центральной и Восточной Европы. По данным немецкого исследователя М. Эдингера, если первоначально один из пяти членов парламента работал ранее в сфере образования, то в конце 1990-х гг. это соотношение сократилось до одного к десяти. Преподаватели и профессора уступили место выходцам из профессиональной среды, тесно связанной с принятием политических решений: органов госуправления, бизнеса и политики. Бросается в глаза значительная доля бизнесменов и управляющих в парламентах стран ЦВЕ. Спустя 15 — 20 лет после смены режима они стали самой большой профессиональной группой. ЭдINGER делает вывод: для политических элит ЦВЕ характерны две преобладающие тенденции — социальная закрытость и профессионализм [36, с. 19].

⁸ См., напр., «Руководящие принципы внешней политики Латвии (2006—2010)» [27], а также принятую в мае 2010 г. Рийгигогу (Парламентом) Эстонии Концепцию национальной безопасности страны [14].

Элита переломного периода свергла старый режим, видя в этом свою главную задачу, и выступила в роли агента мобилизации ключевого на тот момент требования — демонтажа коммунистического режима. По мере стабилизации обстановки, достижения общественного равновесия запросы и требования на «входе» политической системы менялись, однако «политики морали» продолжали предлагать все те же решения «на выходе». В этом смысле пример «политиков морали» может быть представлен как иллюстрация четырехфазной стэнфордской модели кризисов развития, согласно которой каждая фаза обладает набором определенных присущих ей составляющих. Агенты мобилизации требований, ускорители кризиса соответствуют фазе изменения среды и функционирования системы. В дальнейшем возникает запрос на тех, кто должен бороться за сохранение, упрочение, развитие новых правил игры в рамках формирования коалиций, выработки политических курсов и перераспределения ресурсов. Однако идеи, впоследствии составившие краеугольные основания современной политической системы Литвы, а также иных стран Балтии, были предложены именно элитой конца 1980-х — начала 1990-х гг. Актуализированные именно «политиками морали» вопросы отношения к советскому периоду истории Литвы, к чрезвычайно острой теме «оккупации», к России в целом до сих пор относятся к числу наиболее болезненных и во многом разделяющих литовское общество. Можно ли утверждать, что данная линия аргументации по отношению к России как к «фактору-ирританту» [34], неизменному внешнему раздражителю, сформировавшаяся более 20 лет назад, останется для значительной части политической элиты Литвы (и иных стран Балтии) приоритетной как в интеракциях во внутренней политике, так и в сфере международных отношений? Логика экономического сотрудничества России со странами Балтии очевидным, казалось бы, образом ориентирует политические элиты на прагматизацию двусторонних отношений [27]. Однако в то же время ряд действий со стороны руководства Литвы в последние годы (отказ от участия в строительстве БАЭС в Калининградской области, попытка заблокировать в 2007 г. переговоры по соглашению РФ и ЕС, например), подтверждает предположение о том, что хотя подавляющее большинство «политиков морали» и сошли со сцены, но их вклад в формирование политического курса стран Балтии не может быть проигнорирован. В этом смысле, возвращаясь к терминологии Б. Капустина, можно заметить, что действия, предпринимавшиеся элитами в период «большой политики», находят свое отражение и продолжение сейчас — в условиях будничной, «малой политики».

Список литературы

1. *Agh A.* The Politics of Central Europe. London, Thousand Oaks, New Delhi, 1998.
2. *Almond G. A., Flanagan S., Mundt R.* (eds.) Crisis, Choice, and Change: Historical Stories of Political Development. Boston, 1973.

3. *Bourdieu P.* The forms of capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / ed. by J. G. Richards. N.Y., 1986.
4. *Best H., Becker U.* (eds.) Elites in Transition. Elite Research in Central and Eastern Europe. Opladen, 1997.
5. *Gaydis V.* The Emergence of the Lithuanian Political Elite // The new elite in the post-communist Eastern Europe / ed. by V. Shlapentokh, K. Vanderpool, B. Dobrokhotov. Texas A&M University Press, 1999.
6. *Easton D.* A Systems Analysis of Political Life. N.Y., 1965.
7. *Fritz V.* State-Building: A Comparative Study of Ukraine, Lithuania, Belarus and Russia. Central European University Press, 2007.
8. *Krupavicius A.* Models of Post-communist Political Elites in Central Europe and the Baltics: Comparative Analysis // Hungarian Center for Democracy Studies Foundation. Budapest papers on Democratic transition. 1996. N 158.
9. *Lieven A.* The Baltic Revolution: Estonia, Latvia Lithuania and the Path to Independence. New Haven; London, 1994.
10. *Lopata R.* Politikai ir Istorija. Algirdo Brazausko ir Vytauto Landsbergio istorija sampratos. Vilnius, 2010.
11. *Matonyte I.* Ex-nomenklatura and Ex-dissidents in the Post-communist Parliaments of Estonia, Latvia, Lithuania and Poland // Viesoji politika ir administravimas. 2009. N29. P. 28 — 39.
12. *Matonyte I.* (Liberal) mass media and the (multi) party system in post-communist Lithuania // Central European Journal of communication. 2008. N1. P. 123 — 144.
13. *Matonyte I.* The Parliamentary Elite in Post-Communist Lithuania, 1990 — 2000 // Representative Elites in Post-Communist Settings. 2003. N8. P. 55 — 67.
14. *National Security Concept of the Republic of Estonia (2010).* URL: http://www.vm.ee/sites/default/files/JPA_2010_ENG.pdf (дата обращения: 12.05.2011).
15. *Novagrockiene J.* Lietuvos partines sistemose raida // Seimo rinkimai'96, trečiasis «atmetimas» / sud. by A. Krupavicius. Tverme, 1998. P. 298 — 324.
16. *Pareto V.* Trattato di Sociologia Generale. Florence, 1916. Vol. 1.
17. *Pareto V.* The Mind and Society: A Treatise on General Sociology. N. Y., 1935.
18. *Pettai V.* The Consolidation of the Political Class in the Baltic States // Paper presented at the 4th General Conference of the European Consortium for Political Research September 7—9, 2007, Pisa, Italy. URL: <http://www.essex.ac.uk/ecpr/events/generalconference/pisa/papers/PP1103.pdf> (дата обращения: 25.02.2011).
19. *Samalavicius A.* Amorphous Society or Entering the Epoch of "Mature Post-communism" // Kultūros barai. 2007. N1. P. 2 — 6.
20. *Šaulauskas M.-P.* Postkomunistinės revoliucijos želmenys: į postmodernią Lietuvą? // Sociologija. Mintis ir veiksmai. 1998. N1. P. 77 — 94.
21. *Senn A.* The Political culture of Independent Lithuania: a review essay // Journal of Baltic Studies. 1992. Vol. 23, N3. P. 315 — 330.
22. *Waltz K.* Theory of International Politics. N.Y., 1979.
23. *Wasilewski J.* Three Elites of the Central-East European Democratization // Transformative Paths in Central and Eastern Europe / M. Radoslav, E. Wnuk-Lipinski (eds.). Warsaw, 2001.
24. *Гаман-Голутвина О.В.* Определение основных понятий элитологии // Полис. 2000. №3. С. 97 — 103.
25. *Капустин Б.Г.* Критика политической философии: избранные эссе. М., 2010.
26. *Крыштановская О.А.* Анатомия российской элиты. М., 2005.

27. *Межевич Н.М.* Экономические аспекты российско-прибалтийских отношений в 2007 — 2008 годах // Балтийский регион. 2009. № 1. С. 87 — 90.
28. *Руководящие* принципы внешней политики Латвии 2006 — 2010. URL: <http://www.am.gov.lv/en/policy/guidlines/> (дата обращения: 10.05.2011).
29. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.
30. *Окунев И.Ю.* Стэнфордская модель кризиса развития // Полис. 2009. № 3. С. 136—144.
31. *Поппер К.Р.* Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона / пер. с англ. под ред. В. Н. Садовского. М., 1992.
32. *Поппер К.Р.* Открытое общество и его враги. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы / пер. с англ. под ред. В. Н. Садовского. М., 1992.
33. *Сейм* Литвы. Текст Конституции Литовской Республики. URL: http://www3.lrs.lt/home/Konstitucija/Konstitucija_RU.htm (дата обращения 10.05.2011).
34. *Смирнов В.А., Сутырин В.В.* Россия как фактор-ирритант для политической элиты стран Балтии в контексте электоральных кампаний 2010 — 2011 годов: экспертный взгляд // Балтийский регион. 2011. N2 (8). С. 146 — 153.
35. *Фурман Д.Е.* Становление партийной системы в постсоветской Литве. М., 2009.
36. *Эдинггер М.* Политические элиты в посткоммунистических государствах: смена элит и связанные с ней вызовы // Демократия. Власть. Элиты: демократия vs элитократия: сб. ст. / под. ред. Я. А. Пляйса. М., 2010.

Об авторе

Смирнов Вадим Анатольевич, заместитель директора Социально-гуманитарного парка, Балтийский федеральный университет им. И. Канта.
E-mail: VSmirnov@kantiana.ru

==========

V. A. Smirnov

THE FORMATION OF POLITICAL ELITE IN LITHUANIA AT THE TURN OF THE 1980s—1990s: THE ROLE OF «MORAL POLITICIANS»

This article considers the dynamics of structural changes in the political elite of the Republic of Lithuania in the post-Soviet period through analysing the role of the so-called «moral politicians» — intellectuals, artists, and cultural figures, who played the decisive role in the period of communist system disintegration and further development of the country's policy.

The role of the political elite, understood according to R. Putnam and J. Higley's definition, is considered in the conditions of political instability and uncertainty typical of transformation processes. In this context, the role of key actors is interpreted on the basis of the methodological structure of the so-called Stanford model developed by G. Almond and P. Bourdieu's theory of capital.

This article reconstructs the course of political changes in the Republic of Lithuania at the initial stage of its independence, in the framework of which the key role was played by «moral politicians», most of whom subsequently retired from politics.

Focusing on the situation in Lithuania, this research sets out to show the continuous dependence of today's policies of the Baltic States on the key choices made by the authorities at the turn of 1980s-1990s.

Today, Russian political science lacks concrete regional studies into the problems of changes of elites in the context of research on the processes of postcommunist transformations. This work addresses the scientific interpretation of the content of «new» political elite development mechanisms in postcommunist societies under the influence of endogenous and exogenous factors in the course of transformation. The stabilisation of elite formation processes in Lithuania, the assessment of patterns and tendencies, the identification of power centres and the character of intra-elite interaction, and a profound understanding of the functioning of Lithuanian political system in general will allow Russia to formulate a more efficient policy towards the Baltic States, which would promptly respond to emerging challenges.

Key words: Lithuania, transformation, political elite, "moral politicians".

References

1. Ágh, A., 1998. *The Politics of Central Europe*. London, Thousand Oaks, New Delhi: Sage Publications.
2. Almond, G. A., Flanagan, S. and Mundt, R., eds., 1973. *Crisis, Choice, and Change: Historical Stories of Political Development*. Boston: Little, Brown and Co.
3. Bourdieu, P., 1986. The forms of capital. In: J. G. Richardson, ed. 1986. *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. New York: Greenwood Press, pp. 241 — 258.
4. Best, H. and Becker, U. eds., 1997. *Elites in Transition. Elite Research in Central and Eastern Europe*. Leske + Budrich Opladen.
5. Gaidys, V., 1999. The Emergence of the Lithuanian Political Elite. In: V. Shlapentokh, K. Vanderpool and B. Dobrokhotov, eds. 1999. *The new elite in the post-communist Eastern Europe*. Texas A&M University Press, pp.120 — 143.
6. Easton, D., 1965. *A Systems Analysis of Political Life*. New York: Wiley.
7. Fritz, V., 2007. *State-Building: A Comparative Study of Ukraine, Lithuania, Belarus and Russia*. Central European University Press.
8. Krupavicius, A., 1996. *Models of Post-communist Political Elites in Central Europe and the Baltics: Comparative Analysis*. Budapest papers on Democratic transition, N158.
9. Lieven, A., 1994. *The Baltic Revolution: Estonia, Latvia Lithuania and the Path to Independence*. New Haven, London: Yale University Press.
10. Lopata R., 2010. *Politikai ir Istorija. Algirdo Brazausko ir Vytauto Landsbergio istorija sampratos*. Vilnius universiteto leidykla.
11. Matonyte, I., 2009. *Viesoji politika ir administravimas*, N29, pp.28 — 39.
12. Matonyte, I., 2008. *Central European Journal of communication*, N1, pp.123 — 144.
13. Matonyte, I., 2003. The Parliamentary Elite in Post-Communist Lithuania, 1990 — 2000. *Heinrich Best/Michael Edinger (eds.) in collaboration with Stefan Jahr & Mindaugas Kuklys Representative Elites in Post-Communist Settings*, SFB 580, N8 (2003), pp.55 — 67.
14. *National Security Concept of the Republic of Estonia 2010*. [online] Available at: <http://www.vu.ee/sites/default/files/JPA_2010_ENG.pdf> [Accessed 12 May 2011]

15. Novagrockiene, J., 1998. Lietuvos partines sistemos raida. In: A. Krupavicius, ed. 1998. *Seimo rinkimai '96, treciasis «atmetimas»*. Tverme, pp. 298 — 324.
16. Pareto, V., 1916. *Trattato di Sociologia Generale*. Florence.
17. Pareto, V., 1935. *The Mind and Society: A Treatise on General Sociology*. N. Y.: Harcourt, Brace, Jananovich.
18. Pettai, V., 2007. The Consolidation of the Political Class in the Baltic States. In: European Consortium for Political Research, *4th General Conference of the European Consortium for Political Research*. Pisa, 7 — 9 Italy September 2007. [online] Available at <<http://www.essex.ac.uk/ecpr/events/generalconference/pisa/papers/PP1103.pdf>> [Accessed 25 February 2011]
19. Samalavicius, A., 2007. *Kulturos barai*, N1 2007. pp.2 — 6.
20. Šaulauskas, M.-P., 1998. *Mintis ir veiksmas*. N1. 1998, pp.77 — 94.
21. Senn, A., 1992. *Journal of Baltic Studies*. vol. 23 N3. pp.315 — 330.
22. Waltz, K., 1979. *Theory of International Politics*. New York: McGraw-Hill.
23. Wasilewski, J., 2001. Three Elites of the Central-East European Democratization In: M. Radosław and E. Wnuk-Lipinski, eds. 2001. *Transformative Paths in Central and Eastern Europe*. Warsaw: Institute of Polish Studies. pp.133 — 142.
24. Gaman-Golutvina, O. V., 2000. *Polis*, N3. 200, pp.97 — 103.
25. Kapustin, B. G., 2010. *Kritika politicheskoy filosofii. Izbrannye esse*. Moscow.
26. Kryshtanovskaya, O. A., 2005. *Anatomiya rossiyskoy elity*. Moscow "Zakharov" publishing.
27. Mezhevich, N. M., 2009. *Baltiyskiy region*. N1, 2009. pp. 87 — 90.
28. *LATVIA'S FOREIGN POLICY GUIDELINES 2006 — 2010* [online]. Available at: <<http://www.mfa.gov.lv/en/policy/guidlines/>> [Accessed 10 May 2011]
29. Nort, D., 1997 *Intituty, institucionalnye izmeneniya i funkcionirovanie ekonomiki*. Moscow: Nachala.
30. Okuney, I. U., 2009. *Polis*. N3 2009. pp.136 — 144.
31. Popper, K., 1945. *The Open Society and Its Enemies. vol.1: The Spell of Plato*. Translated from English to Russian by V.N. Sadovskiy, 1992. Moscow, Fenix, International fund, "Kul'turnaya iniciativa".
32. Popper, K., 1945. *The Open Society and Its Enemies. vol.2: Hegel, Marx and the Aftermath*. Translated from English to Russian by V.N. Sadovskiy, 1992. Moscow, Fenix, International fund, "Kul'turnaya iniciativa".
33. *Constitution of the Lithuanian Republic*. Russian translation [online] Available at: http://www3.lrs.lt/home/Konstitucija/Konstitucija_RU.htm [Accessed 10 May 2011]
34. Smirnov, V. A., Sutyryn, V. V., 2011. *Baltiyskiy region*, N2 (8). 2011 pp. 146 — 153.
35. Furman, D. E., 2009. *Stanovlenie partynoy sistemy v postsovetskoy Litve*. Moscow, Book house "Librokom".
36. Edinger, M., 2010 Politicheskie elity v postkommunisticheskikh gosudarstvakh: smena elit i svyazannye s ney vyvody. In: Y. A. Plyays, ed. 2010. *Demokratiya. Vlast'. Elity: Demokratiya vs elitokratiya: sbornik statey*. Moscow, ROSSPEN pp.13 — 29.

About author

Vadim A. Smirnov, deputy director of the Social Science and Humanities Park, Immanuel Kant Baltic Federal University.
E-mail: VSmirnov@kantiana.ru